

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

— гениальный русский поэт, родился в Москве 2 октября 1814 г.

В шотландских преданиях, не исчезнувших окончательно и до сих пор, живет имя Лермонтова-поэта или пророка; ему посвящена одна из лучших баллад Вальтера Скотта, рассказывающая, согласно народной легенде, о похищении его феями. Русский поэт не знал этого предания, но смутная память о шотландских легендарных предках не раз тревожила его поэтическое воображение: ей посвящено одно из самых зрелых стихотворений Лермонтова, «Желание». Из ближайших предков Лермонтова документы сохранились относительно его прадеда Юрия Петровича, воспитанника шляхетского кадетского корпуса. В это время род Лермонтова пользовался еще благосостоянием; захудалость началась с поколений, ближайших ко времени поэта, Отец его, Юрий

Петрович, был бедным пехотным капитаном в отставке. По словам Сперанского, отец будущего поэта был замечательный красавец, но вместе с тем «пустой», «странный» и даже «худой» человек. Этот отзыв основан на отношениях Лермонтова отца к теще, Елизавете Алексеевне Арсеньевой, урожденной Столыпиной; но эти отношения не могут быть поставлены в вину Юрию Лермонтову — и так, несомненно, смотрел на них сам Михаил Юрьевич, в течение всей своей жизни не перестававший питать глубокую преданность к отцу, а когда он умер — к его памяти. Сохранилось письмо четырнадцатилетнего поэта, стихотворения более зрелого возраста — и всюду одинаково образ отца обвеян всею нежностью сыновней любви. Поместье Юрия Лермонтова — Кроптовка, Ефремовского уезда, Тульской губернии — находилось по соседству с селом Васильевским, принадлежавшим роду Арсеньевых. Красота Юрия Петровича увлекла дочь Арсеньевой, Марию Михайловну, и не смотря на протест своей родовой и гордой родни, она стала женой «армейского офицера»; но для ее семьи этот офицер навсегда остался чужим человеком. Мария Михайловна умерла в 1817 г., когда сыну ее не было еще трех лет, но оставила много дорогих образов в воспоминаниях будущего поэта. Сохранился ее альбом, наполненный стихотворениями, отчасти, может быть, ею сочиненными, отчасти переписанными; они свидетельствуют о нежном ее сердце. Впоследствии поэт говорил: «В слезах угасла мать моя»; всю жизнь не мог он забыть, как мать певала над его колыбелью. Самый Кавказ был ему дорог прежде всего потому, что в его пустынях он как бы слышал давно утраченный голос матери... Бабушка страстно полюбила внука. Энергичная и настойчивая, она употребляла все усилия, чтобы одной безраздельно владеть ребенком. О чувствах и интересах отца она не заботилась. Лермонтов в юношеских произведениях весьма полно и точно воспроизводит события и действующих лиц своей личной жизни. В драме с немецким заглавием — «Menschen und Leidenschaften» — рассказан раздор между его отцом и бабушкой. Лермонтов-отец не в состоянии был воспитывать сына, как этого хотелось аристократической родне — и Арсеньева, имея возможность тратить на внука «по четыре тысячи в год на обучение разным языкам», взяла его к себе, с уговором воспитывать его до 16 лет и во всем советоваться с отцом. Последнее условие не выполнялось; даже свидания отца с сыном встречали

непреодолимые препятствия со стороны Арсеньевой. Ребенок с самого начала должен был сознавать противоестественность этого положения. Его детство протекало в поместье бабушки, Тарханах, Пензенской губернии; его окружали любовью и заботами — но светлых впечатлений, свойственных возрасту, у него не было. В неоконченной юношеской «Повести» описывается детство Саши Арбенина, двойника самого автора. Саша с 6-ти летнего возраста обнаруживает склонность к мечтательности, страстное влечение ко всему героическому, величавому, бурному. Лермонтов родился болезненным и все детство страдал золотухой; но болезнь эта развила в ребенке необычайную нравственную энергию. В «Повести» признается ее влияние на ум и характер героя: «он выучился думать... Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, Саша начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой... В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привыкал побеждать страдания тела, увлекаясь грезами души... Вероятно, что раннее умственное развитие не мало помешало его выздоровлению...» Это раннее развитие стало для Лермонтова источником огорчений: никто из окружающих не только не был в состоянии пойти на встречу «грезам его души», но даже не замечал их. Здесь коренятся основные мотивы его будущей поэзии разочарования. В угрюмом ребенке растет презрение к повседневной окружающей жизни. Все чуждое, враждебное ей возбуждало в нем горячее сочувствие: он сам одинок и несчастлив, — всякое одиночество и чужое несчастье, проистекающее от людского непонимания, равнодушия или мелкого эгоизма, кажется ему своим. В его сердце живут рядом чувство отчужденности среди людей и непреодолимая жажда родной души, такой же одинокой, близкой поэту своими грезами и, может быть, страданиями. И в результате: «в ребячестве моем тоску любви знойной уж стал я понимать душою беспокойной». Мальчиком 10 лет его повезли на Кавказ, на воды; здесь он встретил девочку лет девяти — и в первый раз у него проснулось необыкновенно глубокое чувство, оставившее память на всю жизнь, но сначала для него неясное и неразгаданное. Два года спустя поэт рассказывает о новом увлечении, посвящает ему стихотворение: к Гению. Первая любовь неразрывно слилась с подавляющими впечатлениями Кавказа. «Горы кавказские для меня священны», — писал Лермонтов; они объединили все дорогое, что жило в душе поэта-ребенка. С осени 1825 г. начинаются более или менее постоянные учебные занятия Лермонтова, но выбор учителей — француз Сарет и бежавший из Турции грек — был неудачен. Грек вскоре совсем бросил педагогические занятия и занялся скорняжным промыслом. Француз, очевидно, не внушил Лермонтову особенного интереса к французскому языку и литературе: в ученических тетрадях Лермонтова французские стихотворения очень рано уступают место русским. 15-ти летним мальчиком он сожалеет, что не слышал в детстве русских народных сказок: «в них верно больше поэзии, чем во всей французской словесности». Его пленяют загадочные, но мужественные образы отщепенцев человеческого общества — «корсаров», «преступников», «пленников», «узников». Спустя два года после возвращения с Кавказа Лермонтова повезли в Москву и стали готовить к поступлению в университетский благородный пансион. Учителями его были Зиновьев, преподаватель латинского и русского языка в пансионе, и француз Gondrot, бывший полковник наполеоновской гвардии; его сменил, в 1829 г., англичанин Виндсон, познакомивший его с английской литературой. В пансионе Лермонтов оставался около двух лет. Здесь, под руководством Мерзлякова и Зиновьева, процветал вкус к литературе: происходили «заседания по словесности», молодые люди пробовали свои силы в самостоятельном творчестве, существовал даже какой-то журнал, при главном участии Лермонтова. Поэт горячо принялся за чтение; сначала он поглощен Шиллером, особенно его юношескими трагедиями; затем он принимается за Шекспира, в письме к родственнице «вступает за честь его», цитирует сцены из Гамлета. По прежнему Лермонтов ищет родной души, увлекается дружбою то с одним, то с другим товарищем, испытывает разочарования, негодует на легкомыслие и измену друзей. Последнее время его пребывания в пансионе — 1829-й год — отмечено в произведениях Лермонтова необыкновенно мрачным разочарованием, источником которого была совершенно

реальная драма в личной жизни Лермонтова. Срок воспитания его под руководством бабушки приходил к концу; отец часто навещал сына в пансионе, и отношения его к теще обострились до крайней степени. Борьба развивалась на глазах Михаила Юрьевича; она подробно изображена в юношеской его драме. Бабушка, ссылаясь на свою одинокую старость, взывая к чувству благодарности внука, отвоевала его у зятя. Отец уехал, униженный и оскорбленный более, чем когда либо, и вскоре умер. Стихотворения этого времени — яркое отражение пережитого поэтом. У него является особенная склонность к воспоминаниям: в настоящем, очевидно, немного отрады. «Мой дух погас и состарился», — говорит он, и только «смутный памятник прошедших милых лет» ему «любезен». Чувство одиночества переходит в беспомощную жалобу; юноша готов окончательно порвать с внешним миром, создает «в уме своем» «мир иной и образов иных существовань», считает себя «отмеченным судьбой», «жертвой посреди степей», «сыном природы». Ему «мир земной тесен», порывы его «удручены ношею обманов», пред ним призрак преждевременной старости... В этих излияниях, конечно, много юношеской игры в страшные чувства и героические настроения, но в их основе лежат безусловно искренние огорчения юноши, несомненный духовный разлад его с окружающей действительностью. К 1829 г. относятся первый очерк «Демона» и стихотворение «Монолог», предвещающее «Думу». Поэт отказывается от своих вдохновений, сравнивая свою жизнь с осенним днем, и рисует «измученную душу» Демона, живущего без веры, с презрением в равнодушием ко «всему на свете». В «Монологе» изображаются «дети севера», их «пасмурная жизнь», «пустые бури», без «любви» и «дружбы сладкой». Немного спустя, оплакивая отца, он себя и его называет «жертвами жребия земного»; «ты дал мне жизнь, но счастья не дано!..» Весной 1830 г. благородный пансион был преобразован в гимназию, и Лермонтов оставил его. Лето он провел в подмосковном поместье брата бабушки, Столыпина. Недалеко жили другие родственники Лермонтова — Верещагины; Александра Верещагина познакомила его с своей подругой, Екатериной Сушковой, также соседкой по имению. Сушкова, впоследствии Хвостова, оставила записки об этом знакомстве. Содержание их — настоящий «роман», распадающийся на две части: в первой — торжествующая и насмешливая героиня, Сушкова, во второй — холодный и даже жестоко мстительный герой, Лермонтов. Шестнадцатилетний «отрок», наклонный к «сентиментальным суждениям», невзрачный, косолапый, с красными глазами, с вздернутым носом и язвительной улыбкой, менее всего мог казаться интересным кавалером для юных барышень. В ответ на его чувства ему предлагали «волчок или веревочку», угощали булочками, с начинкой из опилок. Сушкова, много лет спустя после событий, изобразила поэта в недуге безнадежной страсти и приписала себе даже стихотворение, посвященное Лермонтовым другой девице — Вареньке Лопухиной, его соседке по московской квартире на Малой Молчановке: к ней он питал до конца жизни едва ли не самое глубокое чувство, когда-либо вызванное в нем женщиной. В то же лето (1830) внимание Лермонтова сосредоточилось на личности и поэзии Байрона; он впервые сравнивает себя с английским поэтом, сознает сродство своего нравственного мира с байроновским, посвящает несколько стихотворений Июльской революции. Вряд ли, в виду всего этого, увлечение поэта «черноокой» красавицей, т. е. Сушковой, можно признавать таким всепоглощающим и трагическим, как его рисует сама героиня. Но это не мешало «роману» внести новую горечь в душу поэта; это докажет впоследствии его действительно жестокая месть — один из его ответов на людское бессердечие, легкомысленно отравлявшее его «ребяческие дни», гасившее в его душе «огонь божественный».

С сентября 1830 г. Лермонтов числится студентом московского университета, сначала на «нравственно-политическом отделении», потом на «словесном». Университетское преподавание того времени не могло способствовать умственному развитию молодежи; студенты в аудиториях немногим отличались от школьников. Серьезная умственная жизнь развивалась за стенами университета, в студенческих кружках, но Лермонтов не сходится ни с одним из них. У него, несомненно, больше склонности к светскому обществу, чем к отвлеченным

товарищеским беседам: он, по природе, наблюдатель действительной жизни. Давно уже, притом, у него исчезло чувство юной, ничем не омраченной доверчивости, охладела способность отзываться на чувство дружбы, на малейший проблеск симпатии. Его нравственный мир был другого склада, чем у его товарищей, восторженных гегельянцев и эстетиков. Он не менее их уважал университет: «светлый храм науки» он называет «святым местом», описывая отчаянное пренебрежение студентов к жрецам этого храма. Он знает и о философских заносчивых «спорах» молодежи, но сам не принимает в них участия. Он, вероятно, даже не был знаком с самым горячим спорщиком — знаменитым впоследствии критиком, хотя один из героев его студенческой драмы: «Странный человек», носит фамилию Белинский. Эта драма доказывает интерес Лермонтова к надеждам и идеалам тогдашних лучших современных людей. Главный герой — Владимир — воплощает самого автора; его устами поэт откровенно сознается в мучительном противоречии своей натуры. Владимир знает эгоизм и ничтожество людей — и все-таки не может покинуть их общество: «когда я один, то мне кажется, что никто меня не любит, никто не заботится обо мне, — и это так тяжело!» Еще важнее драма, как выражение общественных идей поэта. Мужик рассказывает Владимиру и его другу, Белинскому — противникам крепостного права, — о жестокостях помещицы и о других крестьянских невзгодах. Рассказ приводит Владимира в гнев, вырывает у него крик: «О мое отечество! Мое отечество!», — а Белинского заставляет практически помочь мужикам. Для поэтической деятельности Лермонтова университетские годы оказались в высшей степени плодотворны. Талант его зрел быстро, духовный мир определялся резко. Лермонтов усердно посещает московские салоны, балы, маскарады. Он знает действительную цену этих развлечений, но умеет быть веселым, разделять удовольствия других. Поверхностным наблюдателям казалась совершенно неестественной бурная и гордая поэзия Лермонтова, при его светских талантах. Они готовы были демонизм и разочарование его счесть «драпировкой», «веселый, непринужденный вид» признать истинно лермонтовским свойством, а жгучую «тоску» и «злость» его стихов — притворством и условным поэтическим маскарадом. Но именно поэзия и была искренним отголоском лермонтовских настроений. «Меня спасало вдохновение от мелочных сует», — писал он в отдаваясь творчеству, как единственному чистому и высокому наслаждению. «Свет», по его мнению, все нивелирует и опошливает, сглаживает личные оттенки в характерах людей, вытравливает всякую оригинальность, приводит всех к одному уровню одушевленного манекена. Принизив человека, «свет» приучает его быть счастливым именно в состоянии безличия и приниженности, наполняет его чувством самодовольства, убивает всякую возможность нравственного развития. Лермонтов боится сам подвергнуться такой участи; более чем когда-либо он прячет свои задушевные думы от людей, вооружается насмешкой и презрением, подчас разыгрывает роль доброго малого или отчаянного искателя светских приключений. В уединении ему припоминаются кавказские впечатления — могучие и благородные, ни единой чертой не похожие на мелочи и немощи утонченного общества. Он повторяет мечты поэтов прошлого века о естественном состоянии, свободном от «приличья цепей», от золота и почестей, от взаимной вражды людей. Он не может допустить, чтобы в нашу душу были вложены «неисполнимые желанья», чтобы мы тщетно искали «в себе и в мире совершенство». Его настроение — разочарование деятельных нравственных сил, разочарование в отрицательных явлениях общества, во имя очарования положительными задачами человеческого духа. Эти мотивы вполне определились во время пребывания Лермонтова в московском университете, о котором он именно потому и сохранил память, как о «святом месте». Лермонтов не пробыл в университете и двух лет; выданное ему свидетельство говорит об увольнении «по прошению» — но прошение, по преданию, было вынуждено студенческой историей с одним из наименее почтенных профессоров Маловым.

С 18 июня 1832 г. Лермонтов более не числится студентом. Он уехал в Петербург, с намерением снова поступить в университет, но попал в школу гвардейских подпрапорщиков. Эта перемена карьеры не отвечала желаньям бабушки и, очевидно, вызвана настояниями самого

поэта. Еще с детства его мечты носили воинственный характер. Кавказ сильно подогрел их. В пансионских эпиграммах постоянно упоминается гусар, в роли счастливого Дон Жуана. Усердно занимаясь рисованием, поэт упражнялся преимущественно в «батальном жанре». Такими же рисунками наполнен и альбом его матери. В двадцатых годах и начале тридцатых гражданские профессии, притом, не пользовались уважением высшего общества. По свидетельству товарища Лермонтова, все невоенные слыли «подъячими». Лермонтов оставался в школе два «злополучных года», как он сам выражается. Об умственном развитии учеников никто не думал; им «не позволялось читать книг чисто литературного содержания». В школе издавался журнал, но характер его вполне очевиден из «поэм» Лермонтова, вошедших в этот орган: «Уланша», «Петергофский праздник»... Накануне вступления в школу Лермонтов написал стихотворение «Парус»; «мятежный» парус, «просящий бури» в минуты невозмутимого покоя — это все та же с детства неугомонная душа поэта. «Искал он в людях совершенства, а сам — сам не был лучше их», — говорит он устами героя поэмы «Ангед смерти», написанной еще в Москве. Юнкерский разгул и забиячество доставили ему теперь самую удобную среду для развития каких угодно «несовершенств». Лермонтов ни в чем не отставал от товарищей, являлся первым участником во всех похождениях — но и здесь избранная натура сказывалась немедленно после самого, по-видимому, безотчетного веселья. Как в московском обществе, так и в юнкерских пирушках Лермонтов умел сберечь свою «лучшую часть», свои творческие силы; в его письмах слышится иногда горькое сожаление о былых мечтаниях, жестокое самобичевание за потребность «чувственного наслаждения». Всем, кто верил в дарование поэта, становилось страшно за его будущее. Верещагина, неизменный друг Лермонтова, во имя его таланта заклинала его «твердо держаться своей дороги»... По выходе из школы, корнетом лейб-гвардии гусарского полка, Лермонтов живет по-прежнему среди увлечений и упреков совести, среди страстных порывов и сомнений, граничащих с отчаянием. О них он пишет к своему другу Лопухиной, но напрягает все силы, чтобы его товарищи и «свет» не заподозрили его гамлетовских настроений. Люди, близко знающие его, вроде Верещагиной, уверены в его «добром характере» и «любящем сердце»; но Лермонтову казалось было унижительным явиться добрым и любящим пред «надменным шутком» — «светом». Напротив, здесь он хочет быть беспощаден на словах, жесток в поступках, во что бы то ни стало прослыть неумолимым тираном женских сердец. Тогда-то пришло время расплаты для Сушковой. Лермонтову-гусару и уже известному поэту ничего не стоило заполнить сердце когда-то насмешливой красавицы, расстроить ее брак с Лопухиным, братом неизменно любимой Вареньки и Марии, к которой он писал такие душевные письма. Потом началось отступление: Лермонтов принял такую форму обращения к Сушковой, что она немедленно была скомпрометирована в глазах «света», попав в положение смешной героини неудавшегося романа. Лермонтову оставалось окончательно порвать с Сушковой — и он написал на ее имя анонимное письмо с предупреждением против себя самого, направил письмо в руки родственников несчастной девицы и, по его словам, произвел «гром и молнию». Потом, при встрече с жертвой, он разыграл роль изумленного, огорченного рыцаря, а в последнем объяснении прямо заявил, что он ее не любит и, кажется, никогда не любил. Все это, кроме сцены разлуки, рассказано самим Лермонтовым в письме к Верещагиной, при чем он видит лишь «веселую сторону истории». Только печальным наследством юнкерского воспитания и стремлением создать себе «пьедестал» в «свете» можно объяснить эту единственную темную страницу в биографии Лермонтова. Совершенно равнодушный к службе, неистощимый в проказах, Лермонтов пишет застольные песни самого непринужденного жанра — и в тоже время такие произведения, как «Я, мать Божия, ныне с молитвою»... До сих пор поэтический талант Лермонтова был известен лишь в офицерских и светских кружках. Первое его произведение, появившееся в печати — «Хаджи Абрек» — попало в «Библиотеку для Чтения» без его ведома, и после этого невольного, но удачного дебюта, Лермонтов долго не хотел печатать своих стихов. Смерть Пушкина явила Лермонтова русской публике во всей силе поэтического таланта. Лермонтов был болен, когда совершилось

страшное событие. До него доходили разноречивые толки; «многие», рассказывает он, «особенно дамы, оправдывали противника Пушкина», потому что Пушкин был дурен собой и ревнив и не имел права требовать любви от своей жены. Невольное негодование охватило поэта, и он «излил горечь сердечную на бумагу». Стихотворение оканчивалось сначала словами: «и на устах его печать». Оно быстро распространилось в списках, вызвало бурю в высшем обществе, новые похвалы Дантесу; наконец, один из родственников Л. Н. Столыпин, стал в глаза порицать его горячность по отношению к такому джентльмену, как Дантес. Лермонтов вышел из себя, приказал гостю выйти вон и в порыве страстного гнева набросал заключительную отповедь «надменным потомкам»... Последовал арест; несколько дней спустя корнет Лермонтов был переведен прапорщиком в нижегородский драгунский полк, действовавший на Кавказе. Поэт отправлялся в изгнание, сопровождаемый общим вниманием: здесь были и страстное сочувствие, и затаенная вражда. Первое пребывание Лермонтова на Кавказе длилось всего несколько месяцев. Благодаря хлопотам бабушки, он был сначала переведен в гродненский гусарский полк, расположенный в Новгородской губернии, а потом — в апреле 1838 г. — возвращен в лейб-гусарский. Не смотря на кратковременную службу в Кавказских горах, Лермонтов успел сильно измениться в нравственном отношении. Природа приковала все его внимание; он готов «целую жизнь» сидеть и любоваться ее красотой; общество будто утратило для него привлекательность, юношеская веселость исчезла и даже светские дамы замечали «черную меланхолию» на его лице. Инстинкт поэта-психолога влек его, однако, в среду людей. Его здесь мало ценили, еще меньше понимали, но горечь и злость закипали в нем, и на бумагу ложились новые пламенные речи, в воображении складывались бессмертные образы. Лермонтов возвращается в петербургский «свет», снова играет роль льва, тем более, что за ним теперь ухаживают все любительницы знаменитостей и героев; но одновременно он обдумывает могучий образ, еще в юности волновавший его воображение. Кавказ обновил давнишние грезы; создаются «Демон» и «Мцыри». И та, и другая поэма задуманы были давно. О «Демоне» поэт думал еще в Москве, до поступления в университет, позже несколько раз начинал и переделывал поэму; зарождение «Мцыри», несомненно, скрывается в юношеской заметке Лермонтова, тоже из московского периода: «написать записки молодого монаха: 17 лет. С детства он в монастыре, кроме священных книг не читал... Страстная душа томится. Идеалы». В основе «Демона» лежит сознание одиночества среди всего мироздания. Черты демонизма в творчестве Лермонтова: гордая душа, отчуждение от мира и небес, презрение к мелким страстям и малодушию. Демону мир тесен и жалок; для Мцыри — мир ненавистен, потому что в нем нет воли, нет воплощения идеалов, воспитанных страстным воображением сына природы, нет исхода могучему пламени, с юных лет живущему в груди. «Мцыри» и «Демон» дополняют друг друга. Разница между ними — не психологическая, а внешняя, историческая. Демон богат опытом, он целые века наблюдал человечество — и научился презирать людей сознательно и равнодушно. Мцыри гибнет в цветущей молодости, в первом порыве к воле и счастью; но этот порыв до такой степени решителен и могуч, что юный узник успевает подняться до идеальной высоты демонизма. Несколько лет томительного рабства и одиночества, потом несколько часов восхищения свободой и величием природы подавили в нем голос человеческой слабости. Демоническое мирозерцание, стройное и логическое в речах Демона, у Мцыри — крик преждевременной агонии. Демонизм — общее поэтическое настроение, слагающееся из гнева и презрения; чем зрелее становится талант поэта, тем реальнее выражается это настроение и аккорд разлагается на более частные, но зато и более определенные мотивы. В основе «Думы» лежат те же лермонтовские чувства относительно «света» и «мира», но они направлены на осязательные, исторически точные общественные явления: «земля», столь надменно унижаемая Демоном, уступает место «нашему поколению», и мощные, но смутные картины и образы кавказской поэмы превращаются в жизненные типы и явления. Таков же смысл и новогоднего приветствия на 1840 г. Очевидно, поэт быстро шел к ясному реальному творчеству, задатки которого коренились в его поэтической природе; но не

без влияния оставались и столкновения со всем окружающим. Именно они должны были намечать более определенные цели для гнева и сатиры поэта и постепенно превращать его в живописца общественных нравов. Роман «Герой нашего времени» — первая ступень на этом совершенно логическом пути... Роль «льва» в петербургском свете заключилась для Лермонтова крупным недоразумением: ухаживая за кн. Щербатовой — музой стихотворения «На светские цепи», — он встретил соперника в лице сына французского посланника Баранта. В результате — дуэль, окончившаяся благополучно, но для Лермонтова повлекшая арест на гауптвахте, потом перевод в тенгинский пехотный полк, на Кавказе. Во время ареста Лермонтова посетил Белинский. Когда он познакомился с поэтом достоверно неизвестно: по словам Панаева — в СПб., у Краевского, после возвращения Лермонтова с Кавказа; по словам товарища Лермонтова по университетскому пансиону, И. Сатина — в Пятигорске, летом 1837 года. Вполне достоверно одно, что впечатление Белинского от первого знакомства осталось неблагоприятное. Лермонтов, по привычке, уклонялся от серьезного разговора, сыпал шутками и остротами по поводу самых важных тем — и Белинский, по его словам, не раскусил Лермонтова. Свидание на гауптвахте окончилось совершенно иначе: Белинский пришел в восторг и от личности, и от художественных воззрений Лермонтова. Он увидел поэта «самим собой»; «в словах его было столько истины, глубины и простоты!» Впечатления Белинского повторились на Боденштедте, впоследствии переводчице произведений поэта. Казаться и быть для Лермонтова были две вещи совершенно различные; пред людьми мало знакомыми он предпочитал казаться, но был совершенно прав, когда говорил: «Лучше я, чем для людей кажусь». Близкое знакомство открывало в поэте и любящее сердце, и отзывчивую душу, и идеальную глубину мысли. Только Лермонтов очень немногих считал достойными этих своих сокровищ... Прибыв на Кавказ, Лермонтов окунулся в боевую жизнь и на первых же порах отличился «мужеством и хладнокровием»; так выразилось официальное донесение. В стихотворении Валерик и в письме к Лопухину Лермонтов ни слова не говорит о своих подвигах... Тайные думы Лермонтова давно уже были отданы роману. Он был задуман еще в первое пребывание на Кавказе; княжна Мери, Грушницкий и доктор Вернер, по словам того же Сатина, были списаны с оригиналов еще в 1837 г. Последующая обработка, вероятно, сосредоточивалась преимущественно на личности главного героя, характеристика которого была связана для поэта с делом самопознания и самокритики... По окончании отпуска, весной 1841 г., Лермонтов уехал из Петербурга с тяжелыми предчувствиями — сначала в Ставрополь, где стоял тенгинский полк, потом в Пятигорск. По некоторым рассказам, он еще в 1837 г. познакомился здесь с семьей Верзилиных и одну из сестер — Эмилию Верзилину — прозвал «La Rose du Caucase». Теперь он встретил рядом с ней гвардейского отставного офицера, Мартынова, «мрачного и молчаливого», игравшего роль непонятого и разочарованного героя, в черкесском костюме с громадным кинжалом. Лермонтов стал поднимать его на смех, в присутствии красавицы и всего общества. Столкновения были неминуемы; в результате одного из них произошла дуэль — и 15 июня поэт пал бездыханным у подножия Машука. Кн. А. И. Васильчиков, очевидец событий и секундант Мартынова, рассказал историю дуэли с явным намерением оправдать Мартынова, который был жив во время появления рассказа в печати. Основная мысль автора: «в Лермонтове было два человека: один — добродушный, для небольшого кружка ближайших друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особенное уважение; другой — заносчивый и задорный, для всех прочих знакомых». Мартынов, следовательно, был сначала жертвой, а потом должен был явиться мстителем. Несомненно, однако, что Лермонтов до последней минуты сохранял добродушное настроение, а его соперник пылал злобным чувством. При всех смягчающих обстоятельствах, о Мартынове еще с большим правом, чем о Дантесе, можно повторить слова поэта: «не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку подымал»... Похороны Лермонтова не могли быть совершены по церковному обряду, не смотря на все хлопоты друзей. Официальное известие об его смерти гласило: «15-го июня, около 5 часов вечера, разразилась ужасная буря с громом и молнией; в это самое время между

горами Машуком и Бештау скончался лечившийся в Пятигорске М. Ю. Лермонтов». По словам кн. Васильчикова в Петербурге, в высшем обществе, смерть поэта встретили отзывом: «туда ему и дорога»... Спустя несколько месяцев Арсеньева перевезла прах внука в Тарханы. — В 1889 г., по всероссийской подписке, поэту воздвигнут памятник в Пятигорске.

Поэзия Лермонтова неразрывно связана с его личностью, она в полном смысле поэтическая автобиография. Основные черты лермонтовской природы — необыкновенно развитое самосознание, цельность и глубина нравственного мира, мужественный идеализм жизненных стремлений. Все эти черты воплотились в его произведениях, начиная с самых ранних прозаических и стихотворных излияний и кончая зрелыми поэмами и романом. Еще в юношеской «Повести» Лермонтов прославлял волю, как совершенную, непреодолимую душевную энергию: «хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, жить»... Отсюда его пламенные запросы к сильному открытому чувству, негодование на мелкие и малодушные страсти; отсюда его демонизм, развивавшийся среди вынужденного одиночества и презрения к окружающему обществу. Но демонизм — отнюдь не отрицательное настроение: «любить необходимо мне» — сознавался поэт, и Белинский отгадал эту черту после первой серьезной беседы с Лермонтовым: «мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это и сказал ему; он улыбнулся и сказал: дай Бог». Демонизм Лермонтова — это высшая ступень идеализма, тоже самое, что мечты людей XVIII в. о всесовершенном естественном человеке, о свободе и доблестях золотого века; это поэзия Руссо и Шиллера. Такой идеал — наиболее смелое, непримиримое отрицание действительности — и юный Лермонтов хотел бы сбросить «образованности цепи», перенестись в идиллическое царство первобытного человечества. Отсюда фанатическое обожание природы, страстное проникновение ее красотой и мощью. И все эти черты отнюдь нельзя связывать с каким бы то ни было внешним влиянием; они существовали в Лермонтове еще до знакомства его Байроном и слились только в более мощную и зрелую гармонию, когда он узнал эту действительно ему родную душу. В противоположность разочарованию шатобриановского Ренэ, коренящемуся исключительно в эгоизме и самообожании, лермонтовское разочарование — воинствующий протест против «низостей и странностей», во имя искреннего чувства и мужественной мысли. Пред нами поэзия не разочарования, а печали и гнева. Все герои Лермонтова — Демон, Измаил-Бей, Мцыри, Арсений — переполнены этими чувствами. Самый реальный из них — Печорин — воплощает самое, по-видимому, будничное разочарование; но это совершенно другой человек, чем «московский Чайльд-Гарольд» — Онегин. У него множество отрицательных черт: эгоизм, мелочность, гордость, часто бессердечие, но рядом с ними — искреннее отношение к самому себе. «Если я причину несчастья других, то и сам не менее несчастлив» — совершенно правдивые слова в его устах. Он не раз тоскует о неудавшейся жизни; на другой почве, в другом воздухе этот сильный организм несомненно нашел бы более почтенное дело, чем травля Грушницкого. Великое и ничтожное уживаются в нем рядом, и если бы потребовалось разграничить то и другое, великое пришлось бы отнести к личности, а ничтожное — к обществу... Творчество Лермонтова, постепенно спускалось из-за облаков и с кавказских гор. Оно остановилось на создании вполне реальных типов и сделалось общественным и национальным. В русской новейшей литературе нет ни одного благородного мотива, в котором бы не слышался безвременно замолкший голос Лермонтова: ее печаль о жалких явлениях русской жизни — отголосок жизни поэта, печально глядевшего на свое поколение; в ее негодовании на рабство мысли и нравственное ничтожество современников звучат лермонтовские демонические порывы; ее смех над глупостью и пошлым комедианством слышится уже в уничтожающих сарказмах Печорина над Грушницким.

Ив. Иванов

Хронологический порядок появления важнейших произведений Лермонтова: «Хаджи-Абрек» («Библиотека для Чтения», 1885, том IX); «Бородино» («Современник», 1837, т. VI); «Песня про царя Ивана Васильевича» («Литературные Прибавления» к «Русскому Инвалиду», 1838, № 18); «Дума» («Отечественные Записки», 1839, т. I); «Бэла» (ib., т. II); «Ветка Палестины» (ib., т. III); «Три Пальмы» (ib., т. IV); «Фаталист» (ib., т. VI); «Дары Терека» (ib., т. VII); «Тамань» (ib., 1840, т. VIII); «Воздушный корабль» (ib., т. X); «Ангел» («Одесский Альманах», 1840); «Последнее новоселье» («Отечественные Записки», 1841, т. XVI); «Парус» (ib., т. VIII); «Спор» («Москвитянин», 1841, ч. 3); «Сказка для детей» («Отечественные Записки», 1842, т. XX). После смерти поэта появились: «Измаил-Бей» («Отечественные Записки», 1843, т. XXVII); «Тамара» (ib.); «На смерть Пушкина» («Библиографические Записки», 1858, № 20; до стиха: «и на устах его печать») и мн. др. Отдельные издания: «Герой нашего времени» (СПб., 1840; здесь впервые «Максим Максимыч» и «Княжна Мери»; 2 изд. 1842; 3 изд., 1843); «Стихотворения» (СПб., 1840; впервые: «Когда волнуется желтеющая нива», «Мцыри» и др.); «Сочинения» (СПб., 1847, издание Смирдина); то же (СПб., 1852; издание Глазунова); то же (СПб., 1856; изд. его же); «Демон» (Berlin, 1857 и Karlsruhe, 1857); «Ангел смерти» (Karlsruhe, 1857 «Сочинения» (СПб., 1860, под редакцию С. С. Дудышкина; впервые помещен по довольно полному списку «Демон», дан конец «На смерть Пушкина» и др.; 2 изд., 1863); «Стихотворения» (Лпц., 1862); «Стихотворения, не вошедшие в последнее издание сочинений» (Berlin, 1862); «Сочинения» (СПб., 1865 и 1873 и позднее, под редакцией П. А. Ефремова; к изд. 1873 г. вступительная статья А. Н. Пыпина).

Когда, в 1892 г., истекло право на собственность сочинений Лермонтова, принадлежавшее книгопродавцу Глазунову, одновременно явился ряд изданий, из которых имеют научный интерес проверенные по рукописям издания под редакцией И. А. Висковатова, А. И. Введенского и И. М. Болдакова. Тогда же вышло иллюстрированное издание, со статьей И. И. Иванова (М.); большое количество дешевых изданий отдельных произведений. На иностранные языки переведены: «Герой нашего времени» — на немецкий неизвестным (1845), Больтцем (1852), Редигером (1855); на английский: Пульским (1854) и неизвестным (1854); на французский: Ледюком (1845) и неизвестным (1863); на польский: Кёном (1844) и Л. Б. (1848); на шведский: неизвестными (1844 и 1856); на датский: неизвестным (1855) и Торсоном (1856). Стихотворения — на немецкий: Будбергом-Беннисгаузен (1843), Боденшtedтом (1852), Ф. Ф. Фиддером (1894; образцовый перевод поблизости к подлиннику); на франц.: Шопеном (1853), Д'Анжером (1866); «Демон» — на нем.: Сенкером (1864); на франц.: Д'Анжером (1858) и Акосовой (1860); на сербский — неизвестным (1862); «Мцыри» — на нем.: Будбергом-Беннисгаузен (1858); на польский: Сырокомлею (1844; 2 изд. 1848); «Боярин Орша» — на польский Г. Ц. (1858). Литература о Лермонтове очень обширна. Помимо биографических и критических очерков, приложенных к изданиям сочинений: «Русские акты о предках поэта» («Русская Старина» 1873, VII, 548) «Шотландские известия о родоначальнике Лермонтова» (ib.); «О прадеде Лермонтова» («Русский Архив» 1876, III, 107); «Указ об отставке отца Лермонтова» («Русская Старина» 1873, VII, 563); «Родословная Лермонтова в России» («Русская Старина» 1873, VII, 551); «Отзыв Сперанского об отце Лермонтова» («Русский Архив» 1872, II, 1851); «Дворянская грамота, выданная отцу Лермонтова» («Русская Старина» 1882, XXXIII, 469) «Сведения о матери Лермонтова» («Русский Архив» 1872, II, 1851); «Альбом матери Лермонтова» («Исторический Вестник», 1881, VI, 375); «Документ о рождении Лермонтова» («Русская Старина» 1873, VIII, 113); «Сведения о бабушке Лермонтова» («Русская Старина» 1884, XLIII, 122); «Детство Лермонтова» («Русское Обозрение» 1890, авг., 794; «Исторический Вестник» 1881, VI, 377); «Лермонтов в Москве: пребывание в пансионе» («Русская Старина» 1881, LXI, 162; «Исторический Вестник» 1884, XVI, 606; «Русская Старина» XLIV, 589; «Русский Архив» 1875, III, 384, сведения о Мерзлякове); «Ученические тетради Лермонтова» («Отечественные Записки» 1859, VII, XI);

«Лермонтов в университете» («Русская Старина» 1875, XIV, 60); «Сведения о профессорах» («Русский Архив» 1875, III, 384); «Лермонтов в школе гвардейских подпрапорщиков» («Русская Старина» 1890, LXV, 591); «Лермонтов как Маешка» («Русская Старина» 1873, VII, 390; 1882, XXXV, 616; «Русский Архив» 1872, II, 1778; «Русская Старина» 1884, XLIV, 590; «Атеней» 1858, XLVIII) Лермонтов по выходе из школы («Русская Старина» 1873, VII, 383; 1882, XXXV, 616; «Русский Архив» 1872, II, 1772); Стихи на смерть Пушкина («Русский Архив» 1872, II, 1813; «Русская Старина» 1873, VII, 384; «Русское Обозрение» *ib.*); Первое пребывание на Кавказе, возвращение, дуэль с Барантом («Русская Старина» 1882, XXXV, 617; 1884, XLIV, 693; 1873, VII, 385). «из воспоминаний И. М. Сатина» («Сборник общества любителей российской словесности»); А. Н. Пыпин, в «Вестнике Европы» 1895). Второе пребывание на Кавказе («Русская Старина» 1884, XLI, 83; 1873, VII, 387; 1882, XXXV, 619; 1885, XLV, 474; 1875, XIV, 61; 1879, XXIV, 529; «Исторический Вестник» 1886, XXIV, 321, 555; 1880, 1, 880; 1885, XIX, 473; XX, 712; 1890, XXXIX, 726; «Русское Обозрение», «Атеней», *ib.*; «Русский Архив» 1874, II, 661; 1872, 1, 206); Дуэль с Мартыновым («Русская Старина» 1873, VII, 385; 1875, XIV, 60; 1882, XXXV, 620; «Русский Архив» 1872, 1, 206; II, 1829; 1874, II, 687; «Исторический Вестник» 1881, VI, 449; «Всемирный Труд» 1870, X); Костелецкий, «Воспоминания о Лермонтове» («Русская Старина» 1875); К. Белевич, «Несколько картин из кавказской жизни и нравов горцев» (СПб., 1891); «Военно-судное дело» (письмо Мартынова, рассказ о похоронах Лермонтова. В приложении к «Запискам Хвостовой»); «Документы о дуэли и похоронах Лермонтов» («Русское Обозрение» 1895); о знакомстве Лермонтова с Белинским «Литературные воспоминания И. Панаева», СПб., 1888); Пыпин, «Жизнь и переписка Белинского» (II, 38); Белинский («Сочинения», III, IV); Добролюбов («Сочинения», III); Михайловский, «Литература и жизнь» (СПб., 1892), «О Лермонтове», «Поэт безвременья» (отд. «Критические очерки», СПб. 1894); Спасович, «Байронизм у Лермонтова» («Сочинения», 1888, т. II); Андреевский, «Литературные чтения» (СПб. 1891); Котляревский «М. Ю. Лермонтов» (СПб. 1891: разбор этой книги В. Д. Спасовича, в «Вестнике Европы» (1891, XII); Владимиров, «исторические и народные бытовые сюжеты в поэзии Лермонтова» (Киев, 1892); А. Камков, «Лермонтов» («Ученые Записки Казанского университета» 1856, ч. 1); Чернышевский, «Очерки гоголевского периода русской литературы» («Современник» 1854 и отд. СПб. 1892); Е. Хвостова, «Воспоминания о Лермонтове» («Русский Вестник», 1856, № 18); С. Шестакова, «Юношеские произведения Лермонтова» (*ib.*, № 10); Галахов, «Лермонтов» (*ib.* 1857, № 13); Ап. Григорьев, «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» («Русское Слово», 1859, №№ 2 и 3; перепечатано в «Сочинениях» Григорьева); А. Любавский, «Дела о дуэлях» («Русские уголовные процессы», СПб. 1866-67); Н. Шелгунов, «Русские идеалы» («Дело» 1868, №№ 6 и 7); и. А. Хвостова, «Воспоминания» («Вестник Европы» 1869, № 8 и отд. СПб. 1871); кн. А. И. Васильчиков, «Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. Мартыновым» («Русский Архив», 1. 872, № 1); «Случай из жизни Лермонтова» («Древняя и Новая Россия», 1877); Бурнашев, «Воспоминания» (*ib.* № 9); С. Шашков, «Пушкин и Лермонтов» («Дело» 1873, № 7); И. А. Висковатов, обширная биография, занимающая весь VI т. «Сочинений Лермонтова», издание Рихтера, переработка статей раньше напечатанных в «Русской Мысли», «Русской Старине» и др. журналах (М. 1892); В. Сторожев, «Родоначальник русской ветви Лермонтовых» («Книговедение», 1894, №№ 5-8) и мн. др. Орлов, «М. Ю. Лермонтов» (СПб., 1883). Отдельно от прочих критиков стоит В. А. Зайцев («Русское Слово»; 1862, № 9), охарактеризовавший Лермонтова, как «юнкерского поэта». Лермонтову часто приписывали стихотворения других авторов. Так с его именем появились: барона Розена, «Смерть» («Развлечение», 1859); гр. В. А. Соллогуба, «Разлука» («Современник», 1854, т. 46); М. Розенгейма, «А годы несутся» («Русский Вестник», 1856, № 14) и др.